

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ВЯ
_____ Е.В. Чистова
«____» 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ДИСКУРС ПРОБЛЕМАТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СУАР
И КНР (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-
ТЕКСТОВ В ПЕРИОД 2018-2021 ГГ.)**

Выпускник

Е.М. Харитонова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. КВЯ И.Г. Нагибина

Нормоконтролер

Е.В. Буркова

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ	7
1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике	7
1.2. Массмедийный дискурс как объект научного описания: сущность и особенности	13
1.2.1. Медиатекст как объект лингвистических исследований: структура и содержание понятия	15
1.3. Критический дискурс-анализ как исследовательская традиция.....	18
1.3.1. Концепция критического дискурс-анализа Тёна ван Дейка	21
1.3.2. Контроль над текстом и контекстом в социокогнитивной модели КДА Т.А. ван Дейка	25
1.3.3. Когнитивные стратегии негативной репрезентации и позитивной саморепрезентации в концепции КДА, представленной Т.А. ван Дейком	28
1.3.4. Семантические и формальные структуры, релевантные для описания дискурса.....	31
1.4. Причины политического и социального конфликта в Синьцзян- уйгурском автономном районе	34
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	38
ГЛАВА 2. КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СУАР И КНР	39
2.1. Критический дискурс-анализ китайских текстов Интернет-СМИ о взаимоотношениях СУАР и КНР: уровень суперструктур.....	39
2.2. Критический дискурс-анализ китайских текстов Интернет-СМИ о взаимоотношениях СУАР и КНР: уровень макроструктур и микроструктур.....	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	60

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире в лингвистической науке одним из наиболее активно развивающихся направлений является теория дискурса. На сегодняшний день её можно считать одним из самых современных и актуальных объектов научного исследования. Несмотря на то, что понятие дискурса является неустойчивым и многозначным, ученых, исследующих дискурс, объединяет желание изучать не теоретическую базу системы языка, а живую речь во всем ее многообразии при реальном общении. В массмедиийной сфере дискурсивный подход развивается особенно быстро. Сфера массовой коммуникации – это незаменимая сфера жизни людей, а также область производства и потребления информации, область, в которой люди делятся своим опытом и знаниями, мыслями и взглядами, ценностями и ориентирами.

У коммуникативно-информационной ситуации есть отличительная особенность, которая заключается в применении множества средств массовой информации и коммуникации. Технологии области коммуникации и информации развились и стали неотъемлемой частью в жизнях людей. СМИ усовершенствовались, теперь они более мобильны и оперативны, поэтому и сам процесс производства и распространения новостей (т.е. процесс распространения слова) стал гораздо быстрее. Подобная ситуация вызывает огромный интерес у ученых, занимающихся медиалингвистикой, наукой, исследующей язык СМИ.

Актуальность работы продиктована тем фактом, что в академическом пространстве российского китаведения ощущается недостаток работ в области массмедиального дискурса. Язык медиа является сложным и многоаспектным явлением, он вряд ли может быть описан только с точки зрения системы языка, поэтому мы считаем, что медиатексты следует рассматривать в концепции критического дискурс-анализа. Мы считаем важным анализ механизмов воздействия на аудиторию в современном

информационном обществе. На примере текстов СМИ можно довольно точно выявить и проанализировать лингвистические и экстралингвистические средства воздействия. Более того, большое количество накопившегося материала исследований и значительный рост числа научных трудов, посвященных этой тематике, актуализируют потребность анализа и обобщения этих материалов и трудов.

Синьцзян-уйгурский автономный район (СУАР) является одним из важнейших стратегических объектов Китайской народной республики. Благодаря тому, что он открывает Китаю путь в Центральную Азию, его geopolитическое значение без преувеличения огромно. Именно поэтому в нашей работе будет производится анализ китайских текстов Интернет-СМИ, освещдающих взаимоотношения Синьцзян-уйгурского автономного района и КНР. В ходе нашей работы мы углубимся в истоки конфронтации в данном регионе, а также выясним какие тактики и стратегии воздействия на аудиторию используют китайские СМИ при обзоре ситуации в данном регионе.

Цель исследования – изучение проблематики взаимоотношений СУАР и КНР с помощью текстов китайских Интернет-СМИ.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть понятийный аппарат массмейдийного дискурса (дискурс, массмейдийный дискурс, медиатекст);
2. Изучить истоки проблемы между КНР и Синьцзян-уйгурским автономным районом;
3. Исследовать теоретические основы осуществления метода критического дискурс-анализа;
4. Проанализировать медиатексты китайских СМИ методом КДА, предложенным Т.А. ван Дейком;
5. Вывести закономерности, присущие механизмам воздействия на аудиторию китайскими СМИ.

Объектом исследования является массмедиийный дискурс взаимоотношений Синьцзян-уйгурского автономного района и КНР.

Предмет исследования – тактики и стратегии воздействия на аудиторию, заключенные в супер-, макро и микроструктурах текстов китайских СМИ, освещавших ситуацию в СУАР.

Общетеоретической и методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (В.И. Карасик, Т.А. van Dijk, N. Fairclough, R. Wodak, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Бабаян, Э. Бенвенист, В.Г. Борботко, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, Т.М. Николаева, Ю.С. Степенов, Г.А. Орлов); лингвокультурологии и культурной психологии (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Красных); медиалингвистики (В.В. Богуславская, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, Н.Б. Кириллова, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова); истории и культуры (Д.В. Дубровская, А.И. Кобзев, М. Фуко).

В работе нашли применение следующие общенаучные и лингвистические **методы исследования**: 1) теоретический анализ, заключающийся в обобщении собранных теоретических данных, 2) метод сплошной выборки, 3) метод критического дискурс анализа по Т.А. ван Дейку на уровнях суперструктур, макроструктур и микроструктур.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые описан анализ текстов китайских Интернет-СМИ, освещавших взаимоотношения СУАР и КНР методом КДА.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов для прикладного изучения и эмпирических обобщений специфики китайских Интернет-СМИ, а также получением результатов исследования, выраженного в дискурсе социального неравенства в рамках взаимоотношений СУАР и КНР.

Работа состоит из введения, двух глав, выводам по главам и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность, формулируется предмет, объект, цель, задачи и практическая значимость работы.

Первая глава посвящена теоретическому изучению понятий дискурс и медиадискурс. Рассматриваются различия текстов и медиатекстов. Также определяется сущность критического дискурс-анализа и методики осуществления этого анализа по Т.А ван Дейку.

Во второй главе проводится подробный анализ тактик и стратегий, используемых китайскими Интернет-СМИ при освещении взаимоотношений СУАР и КНР на различных уровнях.

В заключении обобщаются результаты проведенного анализа и формулируются выводы по проделанной работе.

Список использованных источников включает наименования и охватывает труды отечественных и зарубежных лингвистов, послуживших теоретической базой для данного исследования.

Апробация работы. Основные положения и выводы работы отражены в выступлении выпускника на Форуме языков и культур, проводимом ИФиЯК СФУ с 27 по 30 мая 2021 г. (Секция Филологическая JUVENILIA).

ГЛАВА 1. МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике

За последние несколько лет понятие массмедийного дискурса прочно закрепилось в лингвистической науке, это стало вполне логичным следствием динамичного распространения концепции дискурса. Для начала нам следует дать определение понятию «дискурс». Это необходимо нам по той причине, что понятие «медиадискурс» имеет прочную связь с понятием «дискурс», иными словами, непосредственно основано на нем. Также нам следует выяснить, как массмедийный дискурс соотносится с многочисленными определениями понятия «дискурс».

Определение понятия «дискурс» представляет определенные трудности в силу того, что оно находится на слуху во многих науках, особенно в общественных. Например, в философии, социологии, культурологии и конечно же в лингвистике. Именно этот факт и вызвал образование разных подходов и толкований термина «дискурс». Теория дискурса превратилась в самостоятельную науку только в середине 60-е годы. Слово дискурс впервые было упомянуто во французском языке, что означает «личная речь говорящего».

При формировании теории лингвистика вышла за рамки изучения предложений как отдельных высказываний и обратилась к анализу синтаксической цепочки высказываний, составляющих тексты, и составляющих атрибутов предложений. Это полнота, завершенность, непрерывность и т.д.

В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой отражено разнообразие термина «дискурс»: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по

смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978].

С появлением теории дискурса также стало необходимо описать дискурс лингвистически и разделить понятия «текст» и «дискурс». Например, по определению Владимира Григорьевича Борбелько: «Дискурс – это текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борбелько, 1981].

В.Г. Борбелько подчеркивает, что «текст – это понятие значительно большее и широкое, чем дискурс, так как текст – это не всегда связная речь, а дискурс является ей всегда». Более того, автор напоминает нам, что дискурс всегда является текстом, но не всякий текст будет дискурсом. Мы можем прийти к выводу, что по Борбелько дискурс – это частный случай текста.

Рассматривая различные определения, сформированные в процессе исследования в России и за рубежом, мы можем обратить ваше внимание на три основных метода определения дискурса:

1. Функциональный (или коммуникативный) подход подразумевает восприятие дискурса как верbalного общения (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседу. В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик, 1999].

2. Структурный подход: при определении дискурса в рамках структурного подхода акцент делается на его структурных составляющих. «Дискурс понимается как продукт речевой деятельности, взятый в совокупности всех вербальных и экстралингвистических характеристик, связанных с его производством, распространением и восприятием» [Добросклонская, 2014].

3. Тематический подход: дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Данная классификация позволяет понять, что природа дискурса имеет несколько проявлений: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту.

Вышеперечисленные подходы частично противоречивы. Понятие «дискурс» неотделимо от понятий речи и текста. Дискурс – это среднее звено в цепочке между речью и текстом. Речь в данном случае – деятельность, вербальное общение, а текст – явление конкретное и зафиксированное в языке.

Понятие «дискурс» вошло в обиход после того, как «появилась потребность учитывать не только характеристики «текста как такового», исходя из его внутренней специфики, но и текста как «послания», адресованного кому-либо и выражающего какие-то потребности адресата и автора.

Французский лингвист Эмиль Бенвенист представляет дискурс как «речь, присваиваемую говорящим»: «дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка. Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [Бенвенист, 1974].

По мнению автора, дискурс обязан соотноситься с участниками акта коммуникации (говорящим и слушающим), а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя. Важно отметить, что в данной ситуации дискурс рассматривается в широком смысле. Структуру разговорного дискурса составляет ряд этапов

коммуникативного действия индивида, каждый из которых обусловлен комплексом внешних и внутренних факторов [Бенвенист, 1974].

По Г.А. Орлову понятие «дискурс» имеет некоторые характеристики, включающие такие параметры как: целостность, завершенность, и связность. Всеми перечисленными параметрами обладает и текст. Однако дискурс также рассматривается одновременно и как процесс, и как результат. Процесс включает воздействие различных факторов: социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных. А результат мы можем наблюдать в виде фиксированного текста [Орлов, 1991].

Необходимо затронуть тот факт, что во время того, как термин «дискурс» расширял свое, он стал включать в себя помимо перечисления основных параметров текста указание на условия, в которых этот текст становится более значимым. Здесь уместным будет привести определение дискурса, предложенное В.В. Петровым и Ю.Н. Карауловым: «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Петров, Караулов, 1989].

Это определение соотносится с точкой зрения на «дискурс» нидерландского учёного Т.А. ван Дейка, которому в современном языкоznании принадлежит приоритет в описании дискурса: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Дейк, 1989: 3].

Таким образом, по Т.А. ван Дейку, дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие.

В.З. Демьянков в своем словаре предложил довольно обобщенное понятие: «Дискурс – произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из

одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1995]. Т.е. он определил дискурс как величину, которая значительно шире текста.

В.В. Красных делает вывод о том, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстравербальным планами» [Красных, 2001: 270].

«С точки зрения результата дискурс является совокупностью текстов, произведенных в процессе коммуникации. Дискурс как процесс предстает в виде вербализуемой («здесь и сейчас») речемыслительной деятельности». [Там же].

Следует признать, что это взаимосвязано с восприятием дискурса в качестве социального явления, восходящего к последователям французских структуралистов и постструктураллистов (например, Мишель Фуко). В концепции Фуко: дискурс – это «одновременно и процесс, и результат в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо (разговора)» [Фуко, 1996: 447].

В изучении и верификации данного термина значительное участие приняли ученые: Альгирдас Греймас, Жак Деррида, Юлия Кристева. В их

работах можно заметить попытку конкретизации традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Через призму такого понимания «дискурс» описывает способ говорения. Обязательным условием является классификация дискурса, т.к. большинство ученых интересуется определенной разновидностью дискурса. Более того, необходимо учитывать отличительные особенности языка и особенности стиля, включая количество используемых языковых средств, а также особенности предмета, системы убеждений, метода рассуждений и других систем. Поэтому представители французской школы рассматривают дискурс как высказывание, принадлежащее определенной социально-политической группе или эпохе.

В социолингвистике одним из представителей которой является Владимир Ильич Карасик, дискурс считается общением людей, рассматриваемым с позиции принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. Наряду с этим, В.И. Карасик применительно к современному социуму выделяет политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса [Карасик, 2004].

Заслуживает внимания позиция Юрия Сергеевича Степанова. Он соотносит дискурс с понятиями «альтернативного мира, факта и причинности». Дискурс в его понимании – это отражение языковой и социокультурной реальности. Он объясняет это тем, что дискурс является специфическим средством применения языка для выражения ментальности, это как раз таки то, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счете, создает особый «ментальный мир». Вдобавок, ученый предлагает обширное толкование дискурса из области лингвофилософии. Он предлагает смотреть на дискурс как на «язык в языке», воспринимая его в качестве особой социальной данности. Тем временем дискурс не может

ограничиваться стилем, грамматикой или лексиконом, как это происходит с языком. Он «существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир». Хотя Степанов также говорит о существовании дискурса в текстах, его видение дискурса как особого, возможного мира выводит дискурс далеко за рамки текста [Степанов, 1995: 38].

Николай Фёдорович Алефиренко заостряет внимание на содержательном аспекте дискурса, определяет его как «элементарную невербализованную единицу текста, представляющую сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями». Из чего можно заключить, что Н.Ф. Алефиренко в рамках ситуативной и событийной обусловленности [Алефиренко, 2005: 326].

Таким образом, резюмируя вышеприведённые определения термина «дискурс», мы можем утверждать, что данный термин многоаспектен, поскольку изучается в контексте большого количества дисциплин. Дискурс соотносится с понятием «текст», но в отличие от него подчеркивает динамический характер языка, а текст это уже результат языковой деятельности, то есть статический объект. Некоторые исследователи трактуют дискурс как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст). Мы согласны с этой точкой зрения и придерживаемся позиции, что дискурс – это упорядоченная и динамическая система, содержащая социальный, идеологический и культурно-исторический аспект.

1.2. Массмедиийный дискурс как объект научного описания: сущность и особенности

Т.Г. Добросклонская считает, что «медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых

практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2015: 50].

В определении М.Р. Желтухиной отражено общее научное понимание термина «массмедиийный дискурс» как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с pragматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2004: 656].

В качестве основных признаков массмедиийного дискурса исследователь выделяет:

- 1) Групповая соотнесенность (адресант разделяет взгляды и ценностные ориентиры своей группы);
- 2) Публичность (открытость, ориентированность на массового адресата);
- 3) Диссенсная ориентированность (создание положения диссенса – противоречия, несогласия – с последующей дискуссией);
- 4) Инсценированность и массовая направленность (целенаправленное воздействие на несколько групп одновременно) [Там же].

В.И. Карасик рассматривает массмедиийный дискурс как вид институциональной коммуникации, содержащей конститутивные компоненты: участников, хронотроп, цели, ценности, тематику [Карасик, 2000].

Владимир Ильич выделяет три группы признаков, характерных для массмедиийного дискурса:

- 1) конститутивные признаки: участники, условия, организация, способы и материал общения, то есть коммуниканты в их статусно-ролевых отношениях, сфера общения, цели, стратегии, канал, тональность, режим и жанры общения, тексты и/или невербальные знаки;

2) признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики участников институтов, типичные хронотопы, речевые клише. Специфика массмедиального дискурса раскрывается в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании связан с институциями СМИ и наделяет определенными функциями людей, объединенных общественными ритуалами, поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании;

3) нейтральные признаки включают характеристики медийного дискурса, типичные для любого вида коммуникации, признаки других типов дискурса, вплетенных в ткань массовой коммуникации. Сложность массмедиального дискурса заключается в возможности отражения в нем всех других видов институциональной коммуникации [Карасик, 2000: 390].

Исходя из институциональных характеристик и функций массмедиального дискурса, основной его целью можно считать донесение до массовой аудитории отражения реального мира посредством разнообразных форм представления информации.

Таким образом, мы выяснили, что такое массмедиальный дискурс. В своем исследовании мы будем придерживаться определения М.Р. Желтухиной, т.к. оно кажется нам наиболее развернутым и отражающим большее количество аспектов. Для нашего исследования крайне важно, чтобы были затронуты такие аспекты текста как вербальность и невербальность, устная или письменная форма, а также нам необходим текст именно в событийном аспекте.

1.2.1 Медиатекст как объект лингвистических исследований: структура и содержание понятия

Основной составляющей теории медиадискурса является разграничение понятий текст – медиатекст, дискурс – медиадискурс. В традиционной лингвистике текстом считается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и целостность» [Ярцева, 1990: 136].

Если принять дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими (pragmaticими, социокультурными, психологическими и др.) факторами, т.е. текст, взятый в событийном аспекте», то медиадискурс – это текст, который участвует в реальных условиях коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории [Богуславская, 2008: 280].

Итак, медиатекст по мнению Т.Г. Добросклонской – это «последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных – в различных сочетаниях, продиктованных спецификой канала массовой информации». Он характеризуется «нелинейностью», объемностью, благодаря многоуровневой структуре, способной разворачиваться сразу в нескольких измерениях (вербальном, медийном, гипертекстуальном) [Добросклонская, 2005: 288].

Исходя из концепции медиатекста как объемного многоуровневого явления, для его анализа можно использовать определенную систему параметров, отражающую особенности производства, канал распространения и лингвоформативные признаки. В нее входят:

- 1) Способ производства текста (авторский – коллегиальный);
- 2) Форма создания (устная – письменная);
- 3) Форма воспроизведения (устная – письменная);
- 4) Канал распространения (носитель СМИ: печать, радио, телевидение, интернет);
- 5) Функционально-жанровый тип текста (новости, комментарии, публицистика, реклама);
- 6) Тематическая доминанта или принадлежность к устойчивому медиатопику [Добросклонская, 2005].

Предлагаем рассмотреть каждый из приведенных параметров.

Следовательно, в зависимости от того, сколько человек принимало участие в его создании медиатекст может быть индивидуальным авторским, либо групповым коллегиальным. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о

том, что в авторском тексте указывается на индивидуальное авторство, а коллегиальные тексты зачастую являются продуктами новостного содержания, поэтому они могут свободно распространяться без указания авторства.

Если рассматривать описание медиа-текстов с позиции раздвоенного ветвления «речь устная – речь письменная», то можно выделить две характеристики: форму создания и форму воспроизведения. Подобное деление отражает специфику существования медиатекста по отношению к этому базовому делению с позиции функционирования языка. Имеет смысл учитывать как форму создания текста, так и форму его воспроизведения, так как письменная и устная речь приобретают ряд особенностей именно в массмедийной сфере. Многие тексты, которые изначально создаются в письменной форме, доходят до адресата в устной и наоборот.

Канал распространения информации не менее важен в массмедийной сфере, это выражается в том, что функционирует только то средство массовой коммуникации, в рамках которого создан текст. Также важно отметить, что у каждого средства у каждого средства массовой информации есть определенный набор признаков. Например, в печатных изданиях журналах и газетах к тексту могут быть добавлены иллюстрации, телевизионным репортажам присущи видеоматериалы для большей информативности, а радио СМИ могут добавлять звуковое сопровождение, освещая события.

Следующим параметром типологии текста является описание его жанра. В контексте большого разнообразия существующих методов описания возможностей функциональных типов медиатекстов, классификация, разработанная в теоретических рамках медийной лингвистики, позволит эффективно сочетать стабильную структуру с неограниченным разнообразием и подвижностью материалов речи. Данная классификация выделяет четыре основных типа медиатекстов:

- 1) новости,
- 2) информационную аналитику и комментарий,
- 3) текст- очерк,

4) рекламу [Добросклонская, 2005].

Другим важным параметром, описывающим типологию медиатекстов, является характеристика содержания текста, которая помогает выделить его тему или принадлежать к одной из устойчивых тем, часто охватываемых средствами массовой информации [Пастухов, 2014].

Таким образом, мы разграничили понятия текст и медиатекст и выяснили, что медиатекст является дискретной единицей медиадискурса. В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения, при которой медиатекст – это базовый компонент массмедиийного дискурса, содержащий объединенное общим смыслом сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней, он реализуется в конкретных медиатекстах. Медиатекст упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества.

1.3 Критический дискурс-анализ как исследовательская традиция

Теория критического дискурс-анализа берет свое начало в видоизмененном и переосмыщенном марксизме (франкфуртская школа). Методология критического дискурс-анализа была сформирована благодаря критической лингвистике, социально-семиотической лингвистике и системно-функциональной лингвистике. Именно эти науки заложили методологию критического дискурс-анализа.

В критическом дискурс-анализе дискурс предстает в качестве феномена, моделирующего мир. Это не только упорядочивающая структура, но и структура, конструирующая реальность. Британский социолингвист Норман Фаэрклаф считает, что текст «структурируется социальными структурами и социальные практиками, а с другой социальными агентами, людьми, вовлеченными в социальные события» [Fairclough, 2001: 226].

В современной лингвистике исследованиями в рамках критического дискурс-анализа занимаются три основные школы.

Норман Фэарклаф разработал диалектно-реляционный подход на основе марксистской теории. В основе этого подхода лежит идея о том, что критический дискурс-анализ можно использовать, наряду с другими дискурсивными практиками, при изучении социальных и культурных изменений, а также в качестве базы данных в борьбе против угнетения властными группами. Методика, предложенная Фэарклаф, состоит из трех элементов: описание, интерпретация, объяснение, позволяющих соединить лингвистические и экстравербальные факторы. Начиная с анализа лингвистических свойств текста, автор выходит на интерпретацию дискурсивной практики и установление ее связи с социальной практикой. Цель данного подхода заключается в изучении семиотического отражения социальных конфликтов в текстах СМИ [Fairclough, 1992].

Австрийский лингвист Р. Водак предложила дискурсивно-исторический подход, основная цель которого изучение того, как властные группы пользуются языком и иными семиотическими системами для поддержания своей власти и доминирования. Важным принципом дискурсивно-исторического подхода является объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. Водак и её коллегам удалось наглядно показать, что контекст дискурса играл существенную роль в определении содержания, функции и структуры антисемитских высказываний в междисциплинарном исследовании послевоенного антисемитизма в Австрии [Wodak, 2009].

И наконец, социокогнитивный подход, предложенный нидерландским лингвистом Т.А. ван Дейком. Данный подход ориентирован на изучение отношений между когнитивными структурами (ментальными моделями и другими когнитивными репрезентациями), возникающими в сознании участников, дискурсом и обществом. Т.е. он направлен не просто на описание дискурсивных структур, а на их объяснение в терминах особенностей

социального взаимодействия и преимущественно, социальной структуры. Специфика социокогнитивного подхода состоит в изучении взаимозависимости между текстами СМИ и когнитивными структурами индивидуального и массового сознания. Основной задачей критического дискурс-анализа ван Дейк считает изучение дискурсивного воспроизведения злоупотребления властью [Dijk, 2009; 2014].

Следовательно, нами был выбран метод критического-дискурс анализа по нескольким причинам. Во-первых, данный метод позволяет анализировать контекст, пропозициональные установки, фреймы, пропозиции, пресуппозиции, импликации, импликатуры и т.д. Мы знаем, что текст – это айсберг, в котором большая часть информации скрыта, не высказана. Во-вторых, данный метод изучает глобальные и локальные стратегии, тактики, речевые ходы, что позволяет нам выявить и правильно интерпретировать невысказанную информацию. В-третьих, с помощью данного метода мы можем критически обосновать как дискурс связан с властью и идеологией.

Таким образом, дав краткую характеристику трем школам критического дискурс-анализа, мы пришли к выводу, что в нашей работе мы будем придерживаться социокогнитивного подхода нидерландского лингвиста Т.А. ван Дейка. Следует заметить, что предложенная ученым социокогнитивная модель обработки дискурса оказалась чрезвычайно полезной для понимания многих сложных процессов социального познания. Мы согласны с мнением большинства лингвистов, работающих в сфере критического дискурс-анализа в том, что осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом в современных исследованиях языка наиболее полно и естественно достигаются при сочетании лингвистического и социального подходов, а не только путем изучения чисто языковых явлений.

1.3.1. Концепция критического дискурс-анализа Тёна ван Дейка

В своей книге «Дискурс и власть» ван Дейк отмечает, что исследования в области критического дискурс-анализа не являются «нейтральными», поэтому для начала следует объяснить понятие «критический». Ученый утверждает, что дискурсные исследования могут быть определены как «критические», если они удовлетворяют следующим критериям: отношения доминирования изучаются в интересах подчиненной группы; дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы как нелегитимные; адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп [Дейк, 2013].

При применении данного утверждения на область массмедиийного дискурса становится очевидным то, что согласно данному подходу, ученый выбирает критические дискурс-исследования исходя не только из исследовательского интереса. Выбирая данный метод, лингвист не может занимать позицию безучастного наблюдателя, он должен критиковать дискурсные механизмы, которые позволяют воспроизводить неравенство, а также детально изучать тексты СМИ, обнаруживать в них скрытые установки субъектов коммуникации и на этой основе моделировать результаты воздействия СМИ на восприятие информации адресатом.

Ван Дейк дает следующее определение критического дискурс-анализа: «Критический дискурс-анализ представляет собой такой тип дискурсного анализа, который в первую очередь изучает, каким образом злоупотребление властью, доминирование и неравенство устанавливается, воспроизводится и противодействует в тексте и разговоре в политическом и социальном контексте» [Дейк, 2001: 228].

Исходя из данного определения, мы вновь обращаем внимание на то, что исследования в области критического дискурс-анализа направлены на изучение взаимоотношений социальной структуры и структуры дискурса.

В сотрудничестве с американским когнитивным психологом В. Кинчем Т. ван Дейком были предложены принципиально новые решения проблемы изучения критического дискурс-анализа. Ван Дейк представил четкую иерархию при организации КДА. Он предложил понятие суперструктуры (схематической организации дискурса), характеризующей специфические типы текстов и макроструктуры, т.е. основного семантического содержания суперструктур. То есть, по его мнению, суперструктура дискурса связана с жанром и схемой построения конкретного дискурса. Например, структура газетных новостей включает: заголовок, вводную фразу, перечень основных событий, комментарии, обстоятельства, контекст, предшествующие события, реакции, оценки и т.д. [Dijk; Kintsch, 1988].

Макроструктура напрямую связана с содержанием дискурса. Ван Дейк дает определение макроструктуры как «абстрактного семантического описания глобального содержания дискурса». Этим понятием он выражает общее содержание и суть дискурса. Чтобы вывести макроструктуру, необходимо учитывать два фактора: содержание текста и фоновые знания о мире участников дискурса [Там же].

Авторы предлагают выявлять механизмы, с помощью которых возможно конструирование «дискурсивной реальности». Наиболее продуктивным представляется применение данной теории при изучении массмедиийного дискурса, когда та или иная социальная ситуация ввиду самого устройства дискурсивных макроструктур сводится к набору типовых схем и способов их артикуляции в новостях и медиа-текстах [Там же].

Как мы обнаружили ранее, с одной стороны, можно сказать, что макроструктуры выражаются из содержания текста, а с другой, что они формируются благодаря фоновым знаниям о мире участников дискурса. Тот факт, что каждый пользователь языка может присвоить свою макроструктуру дискурсу, обуславливает огромное множество вариантов макроструктур одного дискурса. Под собственной макроструктурой понимаются собственные

намерения, цели и образы, но топики и темы текста общие. Фоновые знания организуются благодаря фреймам и ситуационным моделям.

Фреймы содержат общедоступное знание, которое хранится в данной культуре, они описывают то, что в конкретном обществе считается типичным. А ситуационная модель состоит из опыта, знаний, чувств и мнения личности. Использование ситуационных моделей участниками дискурса поясняет тот факт, что участники обнаруживают имплицитную информацию в тексте. СITUационная модель активируется и помогает соотнести совокупность пропозиций текста с представлением об аналогичных ситуациях в сознании коммуникантов. Участник дискурса ищет в своей памяти ситуацию, схожую с новой.

Макроструктура состоит из последовательности макропропозиций. Макропропозиции – это обобщенные пропозиции, а пропозиции – это «семантическая константа высказывания». Т. ван Дейк и В. Кинч в своей работе «Стратегии понимания связного текста» утверждают, что пропозиции макроструктур выводятся с помощью трех макроправил организации дискурса, а именно: в опущении, обобщении и построении. Опущение сводится к тому, что «при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиям интерпретации», т.е. несущественная информация сокращается. Под обобщением понимается то, что «при наличии последовательности пропозиций необходимо заменить эту последовательность на пропозицию, выводимую из каждой пропозиции данной последовательности», т.е. однотипные пропозиции пропозиции преобразуются в пропозиции обобщенного плана [Там же].

Ментальные модели по теории Т.А. ван Дейка имеют строгую иерархическую организацию. В его концепции существуют макрокатегории, которые представляют глобальные домены, действия и деятели и микрокатегории, которые представлены обстановкой времени, места, действия и участниками.

Т. ван Дейк выделяет 4 аспекта связи между макро и микроуровнями. Первым аспектом является членство в группах, так как именно члены социальных групп вовлечены в дискурс. Следующий аспект – это действия-процесс. Групповые действия и социальные процессы состоят из действий индивидуальных субъектов. Третьим аспектом является контекстуально-социальная структура: локальные и глобальные контексты тесно связаны и накладывают ограничения на дискурс. И наконец, последний аспект – это личностное и социальное знание. Пользователи языком являются социальными субъектами и соответственно обладают социальными и индивидуальными знаниями. «Разделяемые» социальные представления управляют коллективными действиями группы [Там же].

Следственно, мы разграничили понятия суперструктуры и макроструктуры, выяснив, что суперструктура связана со схемой построения конкретного дискурса и его жанром, а макроструктура связана с содержанием дискурса. Также мы выделили понятие макропропозиций – обобщенных пропозиций, из которых состоит макроструктура. Более того, мы разъяснили 4 аспекта, связующих микро и макроуровни.

Еще одним аспектом, который мы бы хотели затронуть, являются импликации и импликатуры. Тён ван Дейк разграничивает эти понятия. Он связывает термин «импликатуры» с подтекстом, который планируется адресантом, с его ролью, целью, убеждениями и политической идентификацией. Импликатуры позволяют, что говорят участники дискурса и почему они это говорят, они связаны с функциями текста. Импликации же по мнению ван Дейка связаны с семантическими выводами, другими словами, со значениями и смыслами, которые можно непосредственно вывести из высказывания [Dijk, 2009].

Проанализировав теорию импликатур Т.А. ван Дейка, мы пришли к выводу о том, что импликатуры играют особую роль в конструировании массмедиийных текстов, со временем они начинают восприниматься как пресуппозиции, на которых фокусируются СМИ, делая акцент на общности

взглядов с аудиторией. Импликатуры являются многоуровневыми смысловыми структурами, т.е. импликатура, базирующаяся на личности говорящего, его целей, взглядов, убеждений встраивается в последующую, позволяя делать более обширные выводы. При этом исходная импликатура осуществляет когнитивную стратегию положительной саморепрезентации говорящего и становится основной для выведения из нее других импликатур.

1.3.2. Контроль над контекстом в социокогнитивной модели КДА Т.А. ван Дейка

Т.А. ван Дейк определяет контекст не как термин социальной ситуации дискурса, а как ментальную модель, находящуюся в эпизодической памяти, которая представляет собой память о событиях, месте, времени и причинах их осуществления. Из этого можно сделать заключение о том, что контекст – это субъективная целостная сущность участника дискурса. То есть правильно было бы сказать, что социальная или политическая ситуация не влияют на текст, но на него влияет то, как участники понимают и воспринимают данную ситуацию.

Контекст в представлении Т.А. ван Дейка имеет когнитивную сущность. Контекстом он называет «ментально представленную структуру характеристик социальной ситуации, которая релевантна для производства и понимания дискурса». Такими характеристиками он называет данные категории: время и место действия, участники в различных ролях (социальных, коммуникативных и институциональных), идеология, цели, мнения, установки, знания, т.е. ментальные представления, и конечно же комплексное представление о ситуации. Исследователь в своих работах вводит новое понятие «контекстуальная модель» и дает ему определение. Контекстуальной моделью он называет «управляющую систему дискурса, которая помогает комбинировать несколько ситуационных моделей». Другими словами, она помогает создать некую базу текста, определить жанр дискурса, представить

цели и интересы его участников, определить статус и социальную роль участников [Дейк, 1989].

В критическом дискурс-анализе, все уровни контекста и текста могут находиться под контролем властных субъектов. При этом подобные субъекты обычно злоупотребляют властью. По Т.А. ван Дейку контроль осуществляется в двух ракурсах. Контроль над контекстом осуществляется благодаря способности людей не только понимать текст и разговор, но и всю коммуникативную ситуацию в целом. Доминирующие группы имеют в данном случае возможность предложить «предпочтительные контекстуальные модели. Ранее мы говорили о социальных характеристиках, представленных категориями. Контроль над контекстом осуществляется при контроле какой-либо из перечисленных категорий: время и место действия, участники в различных ролях (социальных, коммуникативных и институциональных), идеология, цели, мнения, установки, знания, т.е. ментальные представления, и конечно же комплексное представление о ситуации [Rojo, Dijk, 1997].

Контроль над текстом, а конкретнее над его структурами и содержанием определяется выбором жанров, тем, стиля и формы. Например, директор новостного агентства будет решать какая из тем выйдет в эфир вечернего выпуска новостей. То, как тема освещается в заголовке новостной статьи, влияет на восприятие всей статьи. Например, при обзоре ситуации в Синьцзян-уйгурском автономном районе преступления, совершенные меньшинствами уйгуров выносится в заголовок, что усиливает акцент на проблеме. Доминирующие группы определяют жанр и тему коммуникативного события. Однако, контроль может быть не только глобальным, но и локальным. Например, контроль над формой и стилем. Это может проявляться в просьбе «быть тише», т.е. понизить голос [Wodak; Meyer, 2016].

По Т.А. ван Дейку центральными социокогнитивными категориями являются идеология, контроль, власть и гегемония. Рассмотрим каждую из этих категорий подробнее.

Идеология – это «комплексная когнитивная система, контролирующая формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая социальные предубеждения» [Дейк, 1989: 54]. Дейк также подчеркивает, что идеологические социальные знания принадлежат членам социальных институтов, а не отдельным индивидам. Именно элиты контролируют типы дискурсов, их темы, аргументы. На макросоциальном уровне идеология контролирует социальные практики во взаимоотношениях с другими группами, а на микросоциальном, т.е. дискурсивном уровне происходит контроль над «грамматикой» групповых социальных практик. Другими словами, происходит деление на МЫ/ОНИ. Массмедиийный дискурс, изучение которого мы производим, является идеологически нагруженным. В новостных СМИ контроль над знанием происходит благодаря выбору темы и способам воссоздания социальной и политической реальности [Там же].

Понятие власти вытекает из понятия идеологии. Власть может проявляться в дискурсе следующим образом: в выборе типа или жанра дискурса, стиля или риторики более властными группами, более властный участник доминирует в распределении реплик, с помощью стратегий положительной саморепрезентации влияет на спонтанность диалога, более властные участники осуществляют контроль с помощью речевых актов, например, таких как приказы. Критический дискурс-анализ пытается выявить, как в дискурсивных структурах устанавливаются и узакониваются отношения власти и господства.

Как мы уже говорили контроль производится над контекстом и текстом. Контроль – это следствие дискурса, так как он осуществляется не только в отношении дискурса, но и в отношении его управляемых участников. Контроль над сознанием связан с личным и социальным знанием. Именно в терминах контроля над сознанием в критическом-дискурс анализе происходит изучение того, как в СМИ происходит влияние на сознание людей.

Итальянский философ Антонио Грамши ввел понятие гегемонии и дал ему определение. Гегемония в его понимании появляется тогда, когда власть доминирующих закрепляется с помощью законов, норм, правил, привычек, то есть власть полностью проникает в повседневную жизнь [Gramsci, 1971].

Следовательно, мы можем утверждать, что, влияя на знания и мнения людей, властные группы также могут оказывать влияние на их действия путем убеждения и манипуляции. Часто подобное мы можем наблюдать в текстах СМИ. Средства массовой информации являются одним из ресурсов власти, поэтому и обладают достаточными полномочиями для влияния на сознание людей.

1.3.3. Когнитивные стратегии негативной репрезентации и позитивной саморепрезентации в концепции КДА, представленной Т.А. ван Дейком

Т. ван Дейк считает, что речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроектированные в область речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное манипулирование производимыми умозаключениями». Он выделяет когнитивные стратегии негативной репрезентации и когнитивные стратегии положительной саморепрезентации.

Для начала разберем когнитивные стратегии негативной репрезентации. Стратегия расширения предполагает перенос отрицательного характера опыта в одной когнитивной области на опыт в другой с целью связать модели ситуаций с негативными схемами чуждых говорящему групп. Если в модели или схеме получила выражение какая-либо негативная модель, привлеченной может оказаться полностью вся схема или модель. Происходит объединение отрицательных моделей при помощи приписывания социальному объекту качеств и характеристик, не представленных в актуальной коммуникативной ситуации, т.е. при помощи атрибуции. Например, отрицательные

характеристики определенного района выставляют в негативном свете жителей, проживающих в нем.

Стратегия обобщения – это способ уклонения от прямого ответа, при которой говорящий обобщает тему разговора или вовсе меняет её. Обобщение обычно используют для того, чтобы продемонстрировать тот факт, что представленная информация подкреплена общим мнением. Свойства индивидуальных участников событий принимаются за свойства всех членов группы. Эта стратегия выделяется переходом от модели к схеме. Чаще всего используются подобные выражения: «в очередной раз», «все время», «и так всегда», «как всегда», «мы сталкиваемся с этим не в первый раз». Так же часто применяется ход – привидение примера: «например», «вот, например», «взять, к примеру». Этот ход помогает показать, что общее мнение не бездоказательно, а имеет под собой некие факты [Dijk, 1983: 375].

Стратегия усиления нацелена на привлечение внимания слушающего или на акцентирование на субъективной информации. Часто употребляемые выражения: «общественность негативно отреагировала на...», «позор, что...», «ужас, что...» [Dijk, 1983: 384].

Речевой ход повтора близок усилинию, он нацелен также на привлечение внимания, на структурирование информации, на подчеркивание более значимых тем и субъективных оценок [Там же].

Ход контраста имеет несколько когнитивных функций: риторическую, благодаря которой осуществляется привлечение внимания к участникам отношения контраста, другими словами, функцию структурирования информации, а также семантическую функцию, которая помогает подчеркнуть положительные и отрицательные оценки людей или их действий. Сюда же можно включить противопоставление групп МЫ и ОНИ. Речевой ход контраста используется для того, чтобы имитировать ситуации, в которых происходит конфликт интересов [Dijk, 1983: 386].

И наконец, стратегия реверсирования или инверсии. Используя эту стратегию, говорящий обычно обвиняет жертву: «они сами виноваты...». Происходит перестановка понятий «жертва – преступник» [Dijk, 1983: 387].

Представители группы большинства зачастую используют не только стратегии негативной репрезентации, но также и стратегии положительной саморепрезентации, создающие собственный положительный образ, вызывающий доверие у масс. Данная стратегия реализуется в нескольких речевых ходах.

Например, ход оговорки, некого уклонения от темы, кажущегося опровержения, уступки, сочувствия, благосклонности, оправдания, незнания. Они обычно выражаются подобными фразами: «Извините, но...», «Мы делаем все, что в наших силах, но...», «Я не знаю, но...», «Я ничего не имею против, но...» [Там же].

Ход сдвига или переноса: «Мне все равно, но другие это не оценят». Этот ход помогает снять ответственность с говорящего. Ход смягчения мешает делать отрицательные выводы. С одной стороны, говорящий, использующий этот ход демонстрирует понимание и снисхождение, а с другой, обнуляет оценки или обобщения, которые не могут быть им использованы. Например: «Возможно у них были причины поступить именно так» [Dijk, 1983: 394].

Стратегия уклонения , включающая в себя несколько различных ходов, может указывать на то, что отсутствует релевантная информация, или она не полная; информация, которую можно извлечь, не релевантная или не полная; в памяти говорящего присутствует только негативный опыт, связанный с данной ситуацией, но принципы, не допускающие плохо отзываться о других препятствуют использованию этой информации, поэтому говорящий уклоняется от ответа. Например: «Я ничего об этом не знаю...», «Мне все равно...» [Dijk, 1983: 400].

Риторическая (лексическая) стратегия – поправка, она используется, если формулировка говорящего кажется референциально ложной, либо

способной привести к нежелательной интерпретации. Например: «Возвращаясь к моему предыдущему высказыванию, хотелось бы уточнить, что моей высказывание было весьма категоричным. Я совершенно не считаю, что...» [Dijk, 1983: 402].

Другие семантические и прагматические ходы, позволяющие выразить положительную саморепрезентацию: косвенный речевой акт, пресуппозиция, импликация, предположение.

Таким образом, теперь мы имеем представление о том, какие когнитивные стратегии негативной репрезентации и позитивной саморепрезентации существуют в КДА. Когнитивные стратегии негативной репрезентации нацелены в основном на приписывание социальному объекту отрицательных характеристик, на акцентировании на субъективной информации, на преподношении информации на контрасте. А когнитивные стратегии положительной саморепрезентации основаны на уклонении от невыгодной для автора информации, сокрытии фактов, выставляющих автора в негативном свете и переносе ответственности на другое лицо.

1.3.4. Семантические и формальные структуры, релевантные для описания дискурса

Тён ван Дейк предлагает ряд аналитических категорий, релевантных для описания дискурса. Он выделяет семантические структуры и формальные структуры. Семантические структуры являются центральными при определении мнений и убеждений говорящих. Предлагаем рассмотреть их подробнее.

Топики – это такие семантические макроструктуры, которые регулируют глобальную связность дискурса. Информация, заключенная в топиках, лучше всего воспринимается адресатом. Топики обнаруживаются в заголовках текстов, в заключениях, резюме. Проанализировав топики, мы можем понять, какая информация для говорящего считается наиболее важной [Dijk, 1977].

Следующая структура – это локальная связность, она может использоваться для воздействия на реципиента, в тех случаях, когда упомянуты условия и последствия событий. Дискурсивная последовательность пропозиций является связной, если эти пропозиции относятся к фактам, взаимообусловленным в ментальных моделях пользователей языком. В другой ситуации пропозиции могут быть функционально связаны контрастом, генерализацией, спецификацией, которая может проявляться приведением примеров [Там же].

Имплицитность и эксплицитность. Имплицитная информация – это информация, не выраженная в дискурсе из-за контекстуальных причин нерелевантности, а также если ее экспликация может привести к негативному представлению о говорящем или к позитивному впечатлению о чужеродной для него группе. Имплицитную информацию в тексте можно распознать следующим образом: при сопоставлении текста со знаниями о специфических событиях. Иногда имплицитная информация может быть опознана через порядок предложений или, например, через придаточную часть. Имплицитная информация зачастую используется в манипулятивных целях для того, чтобы адресат делал ложные умозаключения [Там же].

Специфичность и полнота сообщения выражается тем, что определенные сообщения больше или меньше детализированы. Манипулятивная функция этой стратегии заключается в создании моделей. Это происходит потому, что более подробная ментальная модель события лучше запоминается, поэтому она способна производить некое воздействие на то, как в будущем будет восприниматься информация. Т.е. если бы говорящий захотел увеличить положительную саморепрезентацию, то он бы использовал более абстрактные понятия для описания своих отрицательных черт и более детальную информацию для описания отрицательных черт другого [Dijk, 1977].

Оговорки используются для того, чтобы создать собственный положительный образ. А вот семантические ходы зачастую используются с

той целью, чтобы нейтрализовать расхождения между позитивной саморепрезентацией и негативной презентацией другого участника [Там же].

При анализе ситуаций и их участников используются пропозиционные структуры. Это проявляется в том, в какой позиции рассматриваются участники, кто предстает виновным, а кто жертвой.

Похожую функцию имеют и местоимения. Говорящий идентифицирует себя с одной из групп, делит мир на МЫ и ОНИ. То же самое происходит и в приеме контраста и сравнения. НАШИ и ИХ действия сравниваются и противопоставляются.

Иллюстрация используется для того, чтобы привести пример к общему утверждению. Такой ход обычно увеличивает доверие к словам говорящего. Очевидность подобно иллюстрации способствует убеждению слушающего в своей правоте. Очевидность проявляется в отсылках к высказываниям экспертов и личному опыту. Для этого приема характерно цитирование [Там же].

К формальным структурам относятся, например, схематические структуры. Благодаря им осуществляется организация построения дискурса. В тех случаях, когда специфическая информация располагается в определенной части текста. Например, заключение в начале текста. Это может указывать на то, что для говорящего эта информация имеет разную значимость. Следовательно, мы можем сделать вывод о том смысле, который заложен в основе его убеждений.

Обязательной формальной структурой является аргументация. В дискурсе она провалывается в цитировании авторитетов, в акценте на негативных сторонах оппонентов, их критике и т.д. Риторика проявляется в приемах метафоры, гиперболы, литоты, иронии и эвфемизма.

Одним из важнейших аспектов является интеракция. Формами локальной информации могут служить различные акты клеветы, обвинения и оскорблений, зачастую в имплицитной форме. С этими актами можно соотнести функциональные ходы отрицания и высмеивания с целью

опровержения. Данные акты помогают осуществить микростратегии позитивной саморепрезентации и негативной презентации других [Dijk, 1977].

1.4. Причины политического и социального конфликта в Синьцзян-уйгурском автономном районе

Рассмотрев особенности критического дискурс-анализа, предлагаем углубиться в причины политического и социального конфликта в Синьцзян-уйгурском автономном районе, т.к. именно истоки этого конфликта мы рассмотрим в КДА.

Синьцзян-уйгурский автономный район (СУАР) является одним из важнейших стратегических объектов Китайской народной республики. Благодаря тому, что он открывает Китаю путь в Центральную Азию, его геополитическое значение без преувеличения огромно.

Центральные власти КНР сталкиваются с огромной проблемой в СУАР. Эта проблема – этнические и религиозные конфликты. КНР – это многонациональное государство, поэтому такая проблема свойственна данному государству. В последние годы значение Синьцзян-уйгурского автономного района для КНР увеличилась в большой степени, поэтому возникла необходимость в обеспечении относительной социально-политической стабильности в данном регионе обрело особую важность по нескольким причинам.

Во-первых, СУАР – это пограничная территория, а Китай заинтересован в стабильности своих границ. Во-вторых, территория СУАР располагает очень многими природными ресурсами, такими как: нефть, газ, каменный уголь. И, в-третьих, в этом регионе КНР довольно ярко выражены экстремистские и сепаратистские тенденции [Дубровская, 1998].

История конфликта в данном регионе уходит в далекие времена правления династии Цин, которая аннексировала эти территории в XVIII веке. На всех стадиях формирования Китая уйгуры, как тюркоязычный народ,

исповедующий ислам пытались получить независимость, стремились к самоопределению, и каждый раз это стремление подавлялось.

Наиболее активное освоение СУАР началось в 1949 году после того, как Правительство Урумчи возглавил татарский большевик Бурхан Шахиди, проявлявший лояльное отношение к китайским коммунистам. Именно с его одобрения Политбюро ЦК КПК приняло решение о расположении в этом районе частей Народно-освободительной армии Китайской Народной Республики и массовом переселении населения хань в Синьцзян [Дубровская, 1998].

В конце 1955 года было официально объявлено о создании Синьцзян-Уйгурского автономного района. Многие уйгуры, как и ожидалось, были против вхождения в состав КНР. Именно этот момент можно назвать началом сепаратистского движения уйголов в СУАР. Чтобы наглядно увидеть усиление напряженности в отношениях СУАР и КНР, следует отследить цепь событий, повлекших этот конфликт [Дубровская, 1998].

В определенные периоды в истории КНР усиливались волнения в СУАР, увеличивался отрицательный настрой против КНР у жителей Синьцзяна. Такими периодами стали годы Большого скачка (1958-1960 гг.) и Культурной революции (1966-1976 гг.). Был назначен специальный орган, контролирующий ситуацию в Синьцзяне – Синьцзянский производственно-строительный корпус. Этот корпус был создан в 1954 году с целью переселения уйголов в другие районы КНР. При этом ханьцы наоборот переселялись в Синьцзян. Но все же основной целью корпуса было подавление волнений.

Новая волна волнений произошла после распада СССР в 1991 году и образования независимого Казахстана, Таджикистана, Киргизстана, Узбекистана и Туркмении. В автономном районе появлялись призывы к выходу из состава КНР и созданию Уйгурстана.

В 1993 году возникло Исламское движение Восточного Туркестана, которое взяло на себя ответственность за более чем 200 террористических актов [Дубровская, 1998].

Начиная с 2008 года в новостных сводках мировых информагентств появляется информация о протестах и волнениях в СУАР. Согласно сообщению газеты «International Herald Tribune» 18 марта 2008 года террористка-мусульманка подложила бомбу в городском автобусе в Урумчи. Однако, китайскими властями данное сообщение опровергается. 23 и 24 марта 2008 года на западе СУАР прошли мусульманские антиправительственные выступления. Ситуация усугубилась после смерти торговца и филантропа Муталлипа Хаджима в полицейском участке. К протестующим были применены силовые методы разгона. 3 апреля в Кашгаре полиция арестовала 70 уйгуров. 4 апреля в Кульдже приблизительно 25 уйгуров были также взяты под арест за подозрение в организации терактов. 4 августа 2008 года двое боевиков Исламского движения Восточного Туркестана осуществили нападение на полицейский пост около Кашгара. 10 августа того же года в городе Кучар произошли взрывы в полицейском участке и офисном здании, а 12 августа неизвестные напали на гражданских охранников в г. Яманья [Кобзев, 2013].

В июле 2009 года произошел крупнейшие масштабные конфликты. Мнения о причинах этих конфликтов расходятся: власти Китая считают, что беспорядки спровоцировали посторонние, но сами представители «Всемирного конгресса уйгуров» утверждали, что конфликт был вызван следующими факторами: ханьцы, находящиеся в органах управления Синьцзяна; масштабная миграция ханьцев из внутренних районов Китайской Народной Республики в Синьцзян-Уйгурский автономный район; льготы и помощь в трудоустройстве для населения хань и ограничение возможностей трудоустройства коренного населения в Синьцзяна; ограничения в использовании уйгурского языка; притеснения уйгуров по религиозным причинам [Кобзев, 2013].

Проблема состоит в том, что в правительстве КНР в основном предпринимаются репрессивные и карательные меры для разрешения межнациональных конфликтов. Данные меры увеличивают напряжение между сторонами конфликта. Многочисленные беспорядки в Синьцзяне показывают, что под угрозой находится не только безопасность Китая, но и безопасность соседних с Синьцзяном стран. Учитывая, что уйгурское движение превратилось в религиозный экстремизм, недооценка этого вопроса может привести к катастрофическим последствиям. [Кобзев, 2013].

Ключ к решению проблемы терроризма в Синьцзяне лежит в решении этнических вопросов. Однако решение этой проблемы очень сложно, потому что она тесно связана со многими экономическими, политическими и религиозными проблемами. [Дубровская, 1998].

Мы часто можем услышать про СУАР из сообщений западных информагентств в контексте таких фраз как «межэтнический конфликт», «перевоспитание мусульман», «тайные концлагеря», «нарушение прав человека». Риторика освещения событий довольно негативная. Китайские СМИ используют другие фразы для описания ситуации: «сепаратизм», «борьба с терроризмом», «школа трансформации через образование». Как мы можем заметить подача совсем иная.

Во второй главе нашей работы мы предлагаем проанализировать когнитивные стратегии негативной репрезентации СУАР и позитивной саморепрезентации КНР в китайских текстах Интернет-СМИ.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Итак, мы ознакомились с основными понятиями данной работы: «дискурс», «текст», «медиадискурс», «медиатекст» и разграничили их. Понятия «медиадискурс» и «медиатекст» относительно недавно вошли в обиход современной лингвистики, что обусловлено развитием современных технологий. Текст – это сообщение или, другими словами, фотографическое отображение действительности, а медиатекст – это сообщение и канал, то есть это изображение в действии. Медиатекст является дискретной единицей медиадискурса.

Также нами подробно была рассмотрена теоретическая составляющая метода критического-дискурс анализа. Нами был выбран именно метод критического дискурс-анализа, т.к. он позволяет не только определять манипулятивные и идеологические мотивы в текстах, но и критиковать их. Этот метод поможет нам выявить каким образом власти КНР злоупотребляют властью манипулируют населением через тексты СМИ.

Более того, мы вникли в причины и истоки конфликта в Синьцзян-уйгурском автономном районе, узнали исторические и социальные предпосылки данного конфликта, проанализировали политику материкового Китая по отношению к этому региону.

В следующей главе работы мы произведем критический-дискурс анализ текстов китайских СМИ, освещающих проблематику отношений СУАР и КНР по методике, предложенной Т.А. ван Дейком.

ГЛАВА 2. КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СУАР И КНР

2.1. Критический дискурс-анализ китайских текстов Интернет-СМИ о взаимоотношениях СУАР и КНР: уровень суперструктур

Ситуация в Синьцзян-уйгурском автономном районе не часто освещается в китайских СМИ, на это есть ряд политических и идеологических причин, которые мы рассматривали в первой главе работы. Нам предстоит анализ того небольшого количества материала, что мы смогли обнаружить на просторах китайского Интернета. С нашей точки зрения, рассмотрение статей по этой теме, в общей сложности состоящих из 50000 знаков будет достаточным. Источниками, которые будут использоваться для анализа, являются авторитетные и массово читаемые новостные порталы, телеканалы и газеты. Например, новостной портал Синьхуа Новости (新华网), канал Центрального телевидения Китая (CCTV), газета «Жэньминь Жибао» (人民日报), Сеть правительства Китая (中国政府网), Китайская военная сеть (中国军网).

Безусловно, тексты, являющиеся продуктом речевой деятельности публициста и опубликованные в том или ином СМИ (в нашем случае – это и печатные и электронные китайские источники), располагаются в области исследования медиадискурса. Поэтому целесообразно будет проанализировать эти тексты с помощью одного из методов исследования медиатекстов, метода критического дискурс-анализа. Критический дискурс-анализ текстов СМИ направлен на изучение способов, с помощью которых власть переносит свои идеи в общественные умы. Мы пытаемся выяснить, как именно преподносится проблема этнических меньшинств в китайских СМИ, как именно формируется негативный образ определенной социальной группы (в нашем случае уйголов-мусульман) посредством дискурса, рассматриваемого как средство конструирования социальной реальности.

Ранее мы уже упоминали, что огромное влияние на методику дискурсивного анализа медиа-текстов оказали исследования голландского ученого Т.А. ван Дейка. Он представил собственную схему для подробного рассмотрения и анализа медиа-текстов. Именно его схему мы и будем использовать при анализе текстов китайских СМИ.

Для начала следует проанализировать суперструктуры представленных медиатекстов. В предыдущей главе работы мы давали определение суперструктурам. Тён ван Дейк называет суперструктурами стандартные схемы, с помощью которых дискурс обретает форму. Составляющими суперструктуры являются тематическая составляющая, коммуникативная цель адресанта, образ адресата и адресанта, специфика коммуникативной организации, которая выражается речевыми актами. Для выведения суперструктуры необходимы формальные характеристики дискурса и основной способ представления ситуации.

Тематика китайских СМИ в отношении Синьцзян-уйгурского автономного района довольно однозначна. В основном статьи затрагивают события в регионе, не имеющие отношения к конфликту, ключевые негативные события почти не затрагиваются. Однако, в тех редких случаях, когда речь заходит о конфликте, китайские СМИ, освещдающие проблему в Синьцзяне, рассматривают жителей Синьцзяна как виновников, которые должны нести ответственность за негативные поступки (террористические акты). Такая позиция позволяет сделать вывод о том, что китайские СМИ объясняют насилие в терминах ответственности меньшинств. Таким образом, коммуникативная цель китайских СМИ состоит в очернении жителей Синьцзяна.

По своей структуре тексты китайских СМИ являются стандартными. Они включают: заголовок, затем могут быть перечислены основные события, даны комментарии к ним, особенно часто при освещении событий в данном регионе освещаются предшествующие события, реакции на эти события, оценки экспертов и т.д.

В следующем параграфе мы предлагаем перейти к рассмотрению макроструктур и микроструктур текстов китайских СМИ.

2.2. Критический дискурс-анализ китайских текстов Интернет-СМИ о взаимоотношениях СУАР и КНР: уровень макроструктур и микроструктур

Тён ван Дейк предлагает анализировать медиа-тексты на двух уровнях: микроуровне и макроуровне.

Исследование макроструктур текста подразумевает знание содержания текста и фоновые знания о мире участников дискурса. Макроструктура активируется, когда пропозиции текста соотносятся с аналогичными ситуациями. Макроструктуру можно опознать с помощью ядерных концептов, которые выражены соответствующей лексикой.

С точки зрения конечной цели и результата анализа дискурса анализируемый нами дискурс – это дискурс текстов китайских текстов Интернет-СМИ, освещавших взаимоотношения СУАР и КНР. На содержательно-тематическом уровне, уровне анализа макротем дискурса, можно обнаружить лексемы-маркеры, отражающие специфику тематического репертуара дискурса отношений Синьцзян-уйгурского автономного района и КНР, актуализирующие идеи о профилактике этнического сепаратизма, противостоянии терроризму, а также о единстве, неделимости и силе Китайской Народной Республики. Это концепты-идеологемы, репрезентируемые словами 恐怖主义(терроризм), 分离(сепаратизм), 反华势力(антикитайские силы), 宗教极端主义 (религиозный экстремизм), 公正(справедливость); 力 (сила), 坚定(стойкость), 共同 (общность), 团结(сплоченность), 结合 (неразрывность).

Обилие лексем, отражающих коммунистические идеологемы, можно интерпретировать как включенность авторов в пропагандистскую идеологию Коммунистической партии Китая, что неудивительно, ведь все национальные СМИ Китая находятся под контролем и цензурой государства.

Далее ван Дейк предлагает перейти к исследованию семантики текста. Для семантических элементов текста ван Дейк вводит понятие микроструктур медиа-текста, выражающих интенции автора. На данном этапе необходимо проанализировать значения слов и предложений, взаимосвязи между предложениями, а также стилистические и риторические образования значений. Ван Дейк убежден, что формулировки, используемые журналистами, имеют немаловажную роль в изменении общих социальных представлений событий и их интерпретации среди читателей.

Под исследованием текста на микроуровне обычно подразумевают изучение его смысловых элементов. Дейк называет эти элементы микроструктурами. Анализ микроструктуры направлен на анализ значения слов и предложений, отношений между предложениями, а также на анализ стиля и риторического формирования значений. Субъективная интерпретация событий у читателя, которую ученый называет «ментальной моделью», формируется благодаря формулировкам, используемым авторами статей в СМИ.

Предлагаем проанализировать следующие фразы: 恐怖主义是人类社会的公敌，是国际社会共同打击的对象。 / «Терроризм – это общий враг человеческого общества, с которым должно бороться все мировое сообщество». 积极参与反恐国际交流与合作。 / «Принимайте активное участие в международном антитеррористическом сотрудничестве». В них мы можем усмотреть лозунги и призывы, что является показателем идеологической пропаганды жителей КНР через СМИ.

Т.А. ван Дейк предполагает, что семантическое содержание новостей раскрывается по ходу текста. В первую очередь выражается основная, т.е. наиважнейшая информация, затем используется такая стратегия, при которой формируется релевантная структура представления текста. Последовательность представления названных компонентов публикации может изменяться в зависимости от специфики статьи и журналистских

интересов. Дейк отмечает, что анализировать придется каждый компонент, потому что «дискурс может усматриваться в каждой части структуры публикации» [Dijk, 1997].

Рассмотри отрывок из текста новостного агентства «Синьхуа»: 近年来，美国的反华势力暗中成为“东突”恐怖势力的幕后金主。近三年来，“美国国家民主基金会”持续加大资助“世维会”等“东突”组织，资助额从2017年的55.6万美元上升至2019年的96万美元。/ «В последние годы антикитайские силы в Соединенных Штатах стали тайными спонсорами террористических сил «Восточного Туркестана». В течение последних трех лет «Национальный фонд демократии» продолжал увеличивать финансирование организаций «Восточного Туркестана», таких как «Всемирный уйгурский конгресс». Объем финансирования увеличился с 556 000 долларов США в 2017 году до 960 000 долларов США в 2019 году».

В новостных сводках китайских информационных агентств нередко проскальзывают упреки США в пособничестве террористическим организациям на территории Синьцзяна. Привлечение статистической информации помогает осуществить тактику контекстуального усиления импликации «США спонсирует сепаратистское движение в Синьцзяне». Можно вывести импликатуру, связанную со стратегией негативной презентации Соединенных Штатов Америки. Вмешательство США во внутренние дела Китая упоминается в нескольких статьях китайских СМИ. Авторы статей явно хотят указать на оппозиционные взаимоотношения двух держав друг другу. По отношению к США китайские СМИ часто используют речевой ход контраста, а именно деление на группы МЫ – ОНИ. Подобная конфронтация связана с противопоставлением сильного и единого коммунистического Китая и капиталистического Запада, который постоянно вмешивается во внутреннюю политику Китая.

Однако, упреки в сторону других государств, это скорее исключение, чем правило в китайских СМИ, обычно представители враждебно

настроенных по отношению друг к другу сообществ автоматически становятся врагами, но для китайского правительства важно создать позитивный образ китайской нации на мировом уровне. Поэтому китайские СМИ склонны использовать стратегии позитивной саморепрезентации, делая акцент на терроризме, как на всемирной проблеме, призывая другие страны к объединению и совместной борьбе с этим врагом. Рассмотрим данную стратегию на примере отрывка из газеты «Женьминь Жибао»: 近年来，恐怖主义、极端主义全球蔓延，给人类社会带来重大灾难。恐怖主义、极端主义已成为当今世界一大公害，严重威胁世界和平与发展，严重危害世界人民生命财产安全。严厉打击恐怖主义，深入开展去极端化工作，是国际社会的共同责任，也是保障人权的必然选择。 / «В последние годы терроризм и экстремизм распространились по всему миру, принося крупные бедствия человеческому обществу. Терроризм и экстремизм превратились в серьезную опасность для современного мира, серьезно угрожая миру во всем мире и развитию жизни и собственности людей на всей планете. Жесткие меры по борьбе с терроризмом и проведение углубленной работы по дерадикализации – общая ответственность международного сообщества и неизбежный выбор в пользу защиты прав человека».

В данном отрывке речь уже идет не о конкретной ситуации в Китае, а о проблеме терроризма во всем мире. Реализуется цель локальной и глобальной связности. На локальном уровне видна импликатура: «общая ответственность международного сообщества» с фреймовой характеристикой «готовность к объединению».

在相互尊重、平等协商基础上加强国际反恐务实合作，是保障人权的必然选择。/ «Укрепление международного прагматического сотрудничества в борьбе с терроризмом на основе взаимного уважения и равных консультаций – неизбежный выбор для защиты прав человека». Стратегически релевантным является выбор лексики с семой «объединение» (加强国际反恐务实合作 / укрепление международного сотрудничества в борьбе с терроризмом),

политических клише (是保障人权的必然选择 / неизбежный выбор для защиты прав человека), а также декларативов (宣布 / объявлять) и комиссивов (忠实 / придерживаться).

Чтобы осуществить манипулятивные цели китайские СМИ используют специфичность и полноту сообщения. Более подробная ментальная модель события лучше запоминается, поэтому восприятие информации слушателем меняется. Для увеличения положительной саморепрезентации китайские СМИ используют более детальную информацию для описания негативных событий в Синьцзяне. Для примера предлагаем рассмотреть данный отрывок:

一段时间以来，中国新疆地区深受民族分裂势力、宗教极端势力、暴力恐怖势力（以下简称“三股势力”）的叠加影响，恐怖袭击事件频繁发生，对各族人民生命财产安全造成极大危害，严重践踏了人类尊严。/ «В течение определенного периода времени китайская провинция Синьцзян находилась под сильным влиянием этнических сепаратистских сил, религиозных экстремистских сил и вооруженных террористических сил (далее именуемых «тремя силами»). Террористические нападения происходили часто, причиняя большой вред жизням и собственности людей всех национальностей. Жестоко попиралось человеческое достоинство». Мы можем заметить, что СМИ делают яркий акцент именно на негативной ситуации в регионе, используя детальные описания, лексические синонимы, такие как «экстремизм», «терроризм», что позволяет усилить общий негативный эффект.

Локальный семантический анализ фокусируется на стратегии образования значений и отношений между утверждениями, выраженными в дискурсе. Благодаря этому анализу мы можем ответить на вопрос: как связаны между собой отдельные части текста.

Для локальной взаимосвязи текстов нужны некоторые условия. Например, их утверждения должны быть согласованы по времени, условиям, причинам и обстоятельствам [Dijk, 1997].

При анализе выбранных нами текстов все эти условия соблюdenы: время написания всех текстов примерно одинаковое 2018-2021 гг., причины и обстоятельства написания так же сходны – рассказать китайской аудитории о террористических актах в Синьцзян-уйгурском автономном районе и борьбе с ними, выставить властей КНР в позитивном ключе, а жителей Синьцзяна в негативном.

Кроме того, ван Дейк упоминает, что существуют такие концепты текста, понимание которых предполагает наличие у читателей социальных знаний о каких-либо ситуациях. То есть, выражена лишь часть информации, остальное читатель должен предположить сам. Подобная схема представляет некий семантический айсберг. Этот айсберг устанавливает субъективную и идеологическую связь, видимую журналистами и не актуализируемую читателями. Кроме этого типа референтной локальной связи утверждения могут также быть связаны функционально: например, посредством функции спецификации, парофраза, контраста или примера [Dijk, 1997].

Как китайские новости, так и информационная аналитика содержат значительное число тех словосочетаний, обозначающих реалии китайской жизни, для понимания которых требуется соответствующее фоновое знание. Например, единицы типа 丝绸之路, 汉人, 玛纳斯, для понимания которых надо знать, что 丝绸之路 – это Великий шёлковый путь (торговые караванные пути, до XVI в. связывавшие через Среднюю Азию Китай со Средиземноморьем), 汉人 – это официальное название нации, являющейся самой многочисленной в Китае, а 玛纳斯 – киргизский эпос «Манас». Для человека, не интересующегося историей и культурой Китая, они могут вызвать затруднения в понимании, однако для читателей китайских СМИ эти выражения являются фоновыми знаниями, помогающими понять имплицитную информацию, заложенную в тексте.

И если в новостных текстах культурноспецифичные словосочетания служат в основном для обозначения реалий, то в текстах информационно-аналитических, помимо обозначающей функции они выполняют еще и функцию экспрессивно-описательную, т.е. выступают в качестве основы стилистического приема аллюзии, которая может использоваться как в виде прямой ссылки, так и в форме парофраза. Аллюзия в форме парофраза чаще встречается в заголовках. Например, заголовок информационно-аналитической статьи с портала Китайской военной сети: 一切为了新疆人民的幸福生活 / «Все для счастливой жизни людей Синьцзяна». Это парофраз Всеобщей декларации прав человека, также эпиграфом для той статьи были выбраны строки: 人民幸福生活是最大的人权。/ «Счастливая жизнь людей – их величайшее право». Что опять же является прямой ссылкой к правам и свободам человека. Мы считаем, что применение данного парофраза является насмешкой, так как права человека в данном регионе активно нарушаются.

При более подробном анализе заметен словесный камуфляж, процессы эвфемизации и перифразирования не только в заголовках, но и во всем тексте. Для примера рассмотрим высказывание: 面对恐怖主义、极端主义的现实威胁，新疆采取果断措施，依法开展反恐怖主义和去极端化斗争，有效遏制了恐怖活动多发频发势头，最大限度保障了各族人民群众的生存权、发展权等基本权利。/ Столкнувшись с реальными угрозами терроризма и экстремизма, Синьцзян принял решительные меры по борьбе с терроризмом и дерадикализацией в соответствии с законом, эффективно сдерживая частые случаи террористической деятельности и максимально защищая права на жизнь, право на развитие людей всех этнических групп и право на другие основные права.

Здесь мы можем заметить словосочетание 采取果断措施 / «принял решительные меры», за этими, казалось бы, безобидными словами мы можем увидеть применение актов жестокости к гражданам, подозреваемым в участии в террористических актах.

Использование сложных по дефиниции терминов таких как: «антитеррористическая операция» (反恐行动), «общечеловеческие ценности» (普世价值), «этническая чистка» (种族清洗), «операции по поддержанию мира» (维和行动), «ось зла» (邪恶轴心) опустошает и лишает медиатекст смысловой значимости для читателя, вносит намеренную путаницу, так как реципиент (т.е. получатель новостей) не всегда может понять, какая информация скрывается за этими громкими словами.

Ван Дейк также замечает, что утверждения в новостных публикациях часто связаны отношением спецификации: более специфические утверждения следуют за более общими в целях дальнейшей детализации. Например, в нижеприведенном отрывке мы можем заметить подобную тенденцию. Сначала нам говорят о все большем распространении террористических атак по всему миру, а далее приводят огромное количество примеров с точными датами и местами, т.е. конкретизируют первое высказывание: 近年来，恐怖主义、极端主义全球蔓延，给人类社会带来重大灾难。2001 年 9 月 11 日，美国发生震惊世界的恐怖袭击事件，2996 人死亡。2002 年 10 月 12 日，印度尼西亚巴厘岛汽车炸弹袭击事件，202 人死亡。2004 年 3 月 11 日，西班牙马德里列车连环爆炸案，190 人死亡、1500 余人受伤。2004 年 9 月 1 日，俄罗斯别斯兰人质事件，造成包括 186 名未成年人在内的 335 人死亡、958 人受伤。2005 年 7 月 7 日，英国伦敦连环爆炸案，52 人死亡、700 多人受伤。2008 年 11 月 26 日，印度孟买连环恐怖袭击案，195 人死亡、近 300 人受伤。 / «В последние годы терроризм и экстремизм распространились по всему миру, принося крупные бедствия человеческому обществу. 11 сентября 2001 года в США произошел теракт, потрясший весь мир, в результате которого погибло 2996 человек. 12 октября 2002 года 202 человека погибли в результате взрыва заминированного автомобиля на Бали, Индонезия. 11 марта 2004 года в результате серийного взрыва поезда в Мадриде, Испания 190 человек погибли и более 1500 получили ранения. 1 сентября 2004 г. в результате захвата

заложников в Беслане в России 335 человек погибли и 958 получили ранения, в том числе 186 несовершеннолетних. 7 июля 2005 года в результате серии взрывов в Лондоне, Англия 52 человека погибли и более 700 человек получили ранения. 26 ноября 2008 года 195 человек погибли и почти 300 получили ранения в результате серии террористических атак в Мумбаи, Индия».

Помимо значений соотношения между предложениями, по мнению ван Дейка, текст также имеет семантическое единство, целостность, т.е. темы концептуально суммируют текст и его основную информацию [Dijk, 1997].

В перечне наших текстов мы можем заметить это семантическое единство, т.к. темы каждого из этих текстов едины между собой и формируют общую идею, идею об угрозе террористических актов в Синьцзян-уйгурском автономном районе не только для Китая, но и для всего мирового сообщества.

Одним из наиболее влиятельных семантических понятий в критическом анализе новостей служит понятие подоплеки (подразумеваемого). Как уже было отмечено, большая часть информации текста выражена не полностью, а с расчетом на базовые представления о мире, имеющиеся у читателей. Таким образом, проанализировать «неказанное» иногда более важно, чем изучить то, что напечатано. Например: 新疆地区既是新疆各民族的家园，更是中华民族共同家园的组成部分。 / «Регион Синьцзян – это не только родина всех этнических групп в Синьцзяне, но и часть общей родины китайской нации». Мы видим ту часть информации, что написана, но что же подразумевается? Подразумевается то, что Синьцзян – это межэтнический регион, но все же над всеми этническими меньшинствами данного региона главенствует КНР.

Медиасообщение также может дать слишком много информации, описание может быть чрезмерным. Это происходит, когда приводится информация сверх необходимого объема для раскрытия темы. Например, в текстах про Синьцзян китайские СМИ зачастую приводят развернутую

историческую справку, в которой в мельчайших подробностях описаны все шаги становления Синьцзяна частью Китая.

На уровне структуры текста обращает на себя внимание обилие повторов, используемых для усиления акцента на главной идее или для привлечения внимания читателя: 极端主义思想的渗透与蔓延极易催生暴力恐怖行为，对人们享有各项人权直接构成威胁。中国政府反对一切形式的恐怖主义、极端主义，对任何宣扬恐怖主义、极端主义，组织策划实施恐怖活动，侵犯公民人权的行为，依法严厉打击。/ «Проникновение и распространение экстремистских идей может легко привести к насильственным и террористическим актам и создать прямую угрозу осуществлению людьми различных прав человека. Китайское правительство выступает против всех форм терроризма и экстремизма и жестко пресекает любую деятельность, которая способствует терроризму и экстремизму, организует и планирует террористическую деятельность и нарушает права граждан».

В данном отрывке слово «极端主义» (экстремизм) повторилось три раза, а слово «恐怖主义» (терроризм) – два раза. Желаемый эффект привлечения внимания и усиления акцента на проблеме был достигнут.

Особого внимания в процессе дискурсивного анализа, по мнению ван Дейка, требуют используемые в публикациях цитаты. Они показывают, чья позиция особенно значима, по мнению автора статьи, и потому достойна цитирования. Если проанализировать наиболее частые цитаты в новостях об этнических конфликтах в КНР, то можно заметить, что цитаты представителей этнических меньшинств встречаются значительно реже, чем высказывания представителей нации хань. Это говорит о том, что позиция ханьцев представляется более важной и достойной доверия и что они имеют лучший доступ к медиа. В китайских СМИ довольно распространен такой прием манипуляции массовым сознанием как использование «лидера мнений». В качестве лидеров мнений могут выступать фигуры, ставшие авторитетными для определенной категории населения. Достаточно назвать человека

экспертом в какой-либо области и его слова уже будут восприняты менее критично: 中国社会科学院边疆研究中心原主任厉声教授表示，打击恐怖主义要治标，即用各种可以用的手段遏制恐怖犯罪，在这一方面中国已经卓有成效。他也指出，反恐也需治本，从意识形态方面来肃清恐怖主义，而这是一个需要长期努力的工作。/ «Профессор Ли Шэн, бывший директор Пограничного исследовательского центра Китайской академии социальных наук, сказал, что борьба с терроризмом требует лечения, то есть использования всех доступных средств для пресечения террористических преступлений. В этом отношении Китай уже достиг плодотворных результатов. Он также отметил, что необходимо бороться с терроризмом и использовать идеологию для ликвидации терроризма. Это работа, требующая долгосрочных усилий».

Мы видим, что профессор Ли Шэн в своем высказывании поддерживает властей КНР в их антисиньцянской позиции. Ту же позицию выражает и другой эксперт, профессор Ли Вэй: 中国现代国际关系研究院研究员李伟认为，“世维会”用“民族”和“宗教”问题掩饰恐怖主义活动，在海外制造和误导舆论，已经成为恐怖主义的代言人，美国对其支持就是为虎作伥。/ «Ли Вэй, исследователь Китайского института современных международных отношений считает, что «Всемирный совет благосостояния» использовал вопросы национальности и религии для прикрытия террористической деятельности и вводил в заблуждение общество за рубежом. Он стал пособником терроризма, и тот факт, что его поддерживают США – издевательство».

Важной частью дискурсивного анализа является стиль. Выбор стиля включает социальный и идеологический контекст, так как этот выбор демонстрирует мнение автора о действующих лицах новостей и новостных событиях, а также об особенностях социальной и коммуникативной ситуации. Помимо выражения негативных установок, использование определенных слов (например, выражающих ярость, гнев, ненависть) показывает культурное измерение повседневного языка новостей в определенных видах

прессы и популярный в их среде стиль. Несомненно, основным стилем массмедиа является публицистический стиль, который характеризуется наличием общественно-политической лексики, оценочности, побудительности и экспрессивности. Именно этого стиля и придерживаются китайские СМИ.

Поскольку большинство анализируемых нами медиатекстов являются информационно-аналитическими, т.е. содержат культурно-идеологический контекст и формируют стереотипы. На лексико-фразеологическом уровне на первый план в этих текстах выходят те свойства словосочетания, которые служат для передачи оценочно-описательного значения. Поскольку в информационно-аналитических текстах комментируются новости, главным образом события политической и социально-экономической жизни, то в них присутствует некоторое количество клишированных соединений, употребление которых совершенно необходимо для описания современных социально-политических реалий. Устойчивые словосочетания типа 紧张局势加剧 (эскалация напряженности), 传播冲突 (распространение конфликта), 政治复杂化 (политические осложнения), 国际社会 (международное сообщество), 将冲突转移到动态稳定阶段 (перевести конфликт в стадию динамической стабильности) и т. д.

Вместе с тем заметно возрастает роль коннотативных соединений, словосочетаний с экспрессивно-оценочными коннотациями, которые используются для усиления значения при выражении мнения и оценки. Созданию общей экспрессивно-оценочной тональности способствует также употребление идиоматических словосочетаний, которые придают информационно-аналитическому тексту образность и позволяют более точно выразить мнение автора. Например, в отрывке: 坚持宽严相济与预防教育挽救相结合是新疆反恐、去极端化的有益经验。新疆立足本地区实际，坚持“一手抓打击、一手抓预防”。 / «Поддержка комбинации снисходительности и строгости в сочетании с превентивным просвещением могут иметь

избавительный эффект и является полезным опытом в борьбе с терроризмом и деполяризацией в Синьцзяне. Исходя из реальной ситуации в регионе, Синьцзян придерживается принципа «одной рукой подавить, а другой – принять меры предосторожности».

一手抓打击、一手抓预防。 / «Одной рукой подавить, а другой – принять меры предосторожности». Фраза является образным выражением, в котором мы видим намек на то, что китайские власти придерживаются политики «кнута и пряника» по отношению к сепаратистам в Синьцзяне.

А вот этот отрывок и вовсе полон идиоматических словосочетаний: CGTN 纪录片幕后黑手——“东伊运”与新疆暴恐通过“中国最直接的安全威胁”、“‘东伊运’的分裂主义策略”、“反恐任务任重道远”三部分内容，揭露“东伊运”这一幕后黑手的种种恶行。新疆是中国直面恐怖主义的“主战场”，反恐斗争局势严峻。/ «Документальный фильм CGTN «За кулисами – Восточно-иракское движение» и «синьцзянский терроризм» раскрывает суть «наиболее прямой угрозы безопасности Китая», «сепаратистскую стратегию Восточно-иракского движения» и «тяжелую ношу контртеррористической миссии». За «Восточно-иракскими играми» скрываются закулисные зачинщики. Синьцзян является «главным полем битвы» Китая в борьбе с терроризмом, и ситуация в борьбе с терроризмом не обнадеживающая».

幕后黑手 – дословно: невидимая длань, закулисный злодей/зачинщик. Т.е. мы видим намек на то, что синьцзянским террористам оказывает помощь некто влиятельный. 任重道远 – дословно: ноша тяжела, а путь далек – величайшая ответственность – указание на то, что терроризм является глобальной проблемой, тяжелой, практически неизлечимой болезнью, за борьбу с которой ответственны все страны. 主战场 – главное поле битвы. В Синьцзян-уйгурском автономном районе наиболее сложная ситуация с террористическими атаками в Китае, и именно там происходит большинство террористических актов.

Итак, дискурсивная модель складывается из совокупности характеристик нескольких категорий дискурса: хронотоп, агенты и клиенты дискурса, концепты (ценностная составляющая дискурса), жанр, стратегии и риторические приемы.

Для изучаемых текстов характерна следующая и временная и пространственная отнесенность: авторы зачастую делают историческую справку о вхождении Синьцзян-уйгурского автономного района в состав КНР, то есть начинают с 1949 года и следуют вплоть до событий наших дней.

Следующая категория изучаемого дискурса (агенты и клиенты) складывается из специфической позиции национальных китайских СМИ, находящихся под контролем государства, поэтому они не идут вразрез с идеологией Коммунистической партии Китая. Все эти издания пишут для китайских читателей и всячески поддерживают эту идеологию. Для Китая характерным является то, что, согласно закону, именно традиционные национальные СМИ являются основным и первоочередным источником информации. КНР стремится к тому, чтобы китайская нация на мировом уровне была признана успешной и единой, именно поэтому идет очень жесткая борьба с сепаратизмом, как в политической жизни страны, так и на страницах новостных изданий. Создается образ единого, сильного государства. Укрепление позиций КПК.

Отсюда набор основных идиологем – концептов, реализующих массмедиийный дискурс отношений Синьцзян-уйгурского автономного района и КНР: 恐怖主义 (терроризм), 分离 (сепаратизм), 反华势力 (антикитайские силы), 宗教极端主义 (религиозный экстремизм), 公正 (справедливость); 力 (сила), 坚定 (стойкость), 共同 (общность), 团结 (сплоченность), 结合 (неразрывность).

Жанры публикаций – новости и информационная аналитика позволяют в полной мере реализовать интенции авторов, то есть указать на проблему терроризма в Синьцзян-уйгурском автономном районе. В дискурсе это

выражено в следующих стратегиях и тактиках: использование клише и штампов, лексики с эмоциональными и экспрессивными коннотациями, оценочной лексики, повторов, эвфемизмов, перифраз, терминов со сложными дефинитивными значениями, ссылок на авторитеты, тактику дезинформации и пропаганды. Средствами когнитивно-дискурсивного анализа можно обнаружить идеологическую направленность общества, производящего дискурс.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Мы произвели критический дискурс-анализ китайских текстов Интернет-СМИ, освещавших конфликт СУАР и КНР, это помогло нам выявить некоторые особенности языка китайских СМИ.

На уровне суперструктур выявлены основные жанры китайских Интернет-текстов, освещавших проблематику взаимоотношений СУАР и КНР, их тематическая составляющая и структура их построения.

На уровне макроструктур выявлены основные концепты-идеологемы, активирующие негативные фоновые знания у читателей о ситуации в СУАР.

На уровне микроструктур выявлены различные семантические структуры, такие как: использование многочисленных штампов и клишированных фраз; идиоматических выражений; терминов со сложными дефинициями, запутывающими читателя; эвфемизмов, перифраз; лексических повторов; эмоциональной лексики; лозунгов, призывов; ссылки на авторитеты; демонизация противника. На этом же уровне были использованы когнитивные стратегии негативной репрезентации Синьцзян-уйгурского автономного района:

1. Расширение
2. Обобщение
3. Усиление
4. Контраст (деление на группы МЫ и ОНИ)
5. Инверсия (перестановка понятий «жертва – преступник»).

В добавок использовались когнитивные стратегии положительной саморепрезентации властей КНР, такие как:

1. Оговорка (кажущаяся благосклонность)
2. Смягчение
3. Уклонение

Указанные интенции и стратегии определяют общий «стиль» взаимодействия языковых средств данного дискурса для достижения правительством КНР определенной коммуникативной цели – подавления и негативной репрезентации действий жителей СУАР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массмедиа являются важнейшим инструментом информационно-смыслового обеспечения общества и общественного самопознания, они циркулируют фактами, образами, идеями и мнениями, обеспечивая своих реципиентов социально значимыми смыслами и оценками. Сфера массовой коммуникации – это незаменимая сфера жизни людей, а также область производства и потребления информации, область, в которой люди делятся своим опытом и знаниями, мыслями и взглядами, ценностями и ориентирами. Язык медиа является сложным и многоаспектным явлением, именно поэтому в современных условиях информационного общества большой исследовательский интерес представляет массмедийный дискурс, так как именно он отражает фиксирует и отражает любые значимые изменения языка СМИ.

В ходе нашего исследования были решены поставленные задачи. Мы дали определение понятиям «дискурс», «медиадискурс», «текст», «медиатекст». Мы не только дали дефиницию каждому из этих понятий с различных точек зрения и подходов, но также разграничили эти понятия между собой. Более того, нам стало известно, что что ключевым компонентом концепции любого дискурса, в том числе дискурса массмедиа, является всесторонний и комплексный подход к анализу речевой деятельности, поэтому мы провели обширное исследование нескольких известных китайских источников. Но перед этим мы углубились в истоки проблемы в Синьцзян-уйгурском-автономной районе с исторической, социальной и политической точек зрения. Проследили цепь событий, повлекших нынешний конфликт в этом регионе.

Мы проанализировали найденные медиатексты с помощью метода критического дискурс-анализа, предложенного Т.А. ван Дейком. Анализ был произведен на трех уровнях: супер, макро и микро. На уровне суперструктур выявлены основные жанры китайских Интернет-текстов, освещавших

проблематику взаимоотношений СУАР и КНР, их тематическая составляющая и структура их построения, на уровне макроструктур выявлены основные концепты-идеологемы, активирующие негативные фоновые знания у читателей о ситуации в СУАР, на уровне микроструктур выявлены различные семантические структуры и когнитивные стратегии воздействия на аудиторию.

Плюсом проведенной работы можно выявить достижение поставленной цели – изучение проблематики взаимоотношений СУАР и КНР с помощью текстов китайских Интернет-СМИ.

Огромным минусом является недостаточное количество материала для анализа. Это связано с политическими установками Коммунистической партии Китая, запрещающей широкое освещение этого конфликта. Надеемся, что в дальнейшем появится больше материала на эту тему, который мы так же сможем подвергнуть анализу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
3. Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психолингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица: дис ... д-ра филол. наук: 18.09.09. Белгород, 2009. 285 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
5. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: УРСС Эдитори-ал, 2008. 280 с.
6. Борбелько В.Г. Элементы теории дискурса: учеб. Пособие. Грозный: ЧГУ, 1981. 113 с.
7. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Либреком, 2013. 24–337с.
8. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца ХХ века. М.: Ин–т языкоzнания РАН, 1995. С. 239–320.
9. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: (опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Еди-ториал УРСС, 2005. 288 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
11. Добросклонская Т.Г. Методология анализа медиатекста как информационно-коммуникативного продукта: сб. «Массово-

коммуникационные процессы в современной России. М.: РАГС, 2008. С. 213–257.

12. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 200–202.

13. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 12.03.04. М., 2004. 132 с.

14. Карасик В.И. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.

15. Карасик В.И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Каасика, Г.Г. Слышикина. Волгоград: Перемена, 2000. 12 с.

16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

17. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.

18. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2006. 448 с.

19. Кобзев А.И. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944–1949 гг. // Ученые записки ИВ РАН, 1955. Т.11. С. 155–188.

20. Кобзев А.И. Общество и государство в Китае // Ученые записки ИВ РАН, 2013. Т.43. С. 470–473.

21. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

22. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.

23. Орлов Г.А. Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991. 240 с.

24. Пастухов А.Г. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования [Текст] / А. Г. Пастухов // Мат--лы I Междунар. науч.-практ. конф. БелГУ 1–4 апреля 2014 г. / под ред. Е. А.
25. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца ХХ века: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
26. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Сост., пер. с фр., комментарий и послесловие С. Табачковой. Общ. ред. А. Пузырева. М.: Касталь, 1996. 447 с.
27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб.: Наука, 2001. С. 571–606.
28. Чернышова Т.В. Фатическая речь как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, филология, философия и педагогика. 2004. 50 с.
29. Chouliaraki L., Norman F. Discourse in late modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 282 p.
30. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
31. Fairclough N. Language and power. 2nd edition. Essex: Pearson Education Limited, 2001. 226 p.
32. Gramsci. A. Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. New York: International Publishers, 1971. 105 p.
33. Hansen A. Content Analysis // Mass Communication Research Methods. 1998. P. 91–129.
34. Rojo L., van Dijk T.A. “There was a Problem, and it was Solved!”: Legitimating the Expulsion of ‘Illegal’ Migrants in Spanish Parliamentary Discourse // Discourse and Society. 1997. P. 189–202.
35. van Dijk T.A. Communicating Racism. Ethnic prejudice in thought and talk. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 153–180.

36. van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 384 p.
37. van Dijk T.A. Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980. P. 29–122.
38. van Dijk T.A. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988. P. 175–176.
39. van Dijk T.A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 114–187.
40. van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London and New York: Longman, 1977. P. 108–129.
41. van Dijk T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension New York: Academic Press, 1983. P. 68–133.
42. Wodak R., The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 156–207.
43. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis Studies. 3rd edition. London: Sage, 2016. P. 53–68.
44. China is harvesting thousands of human organs from its Uighur Muslim minority, UN human-rights body hears [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/VYTeP> (дата обращения: 13.06.2021).
45. 新疆维吾尔自治区 [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2019/03/19/nw.D110000renmrb_20190319_1-15.htm (дата обращения: 13.06.2021).
46. 美国支持的“世维会”是不折不扣的恐怖主义代言人 [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/VYTtd> (дата обращения: 13.06.2021).
47. 一切为了新疆人民的幸福生活 [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/VYTs8> (дата обращения: 13.06.2021).

48. 新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障 [Электронный ресурс]. 2019.
URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-03/18/content_5374643.htm (дата обращения: 13.06.2021).
49. 《焦点访谈》 20191208 新疆反恐成果 不容否定 [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/VYTjJ> (дата обращения: 13.06.2021).
50. 揭黑继续！CGTN 纪录片《幕后黑手 – “东伊运” 与新疆暴恐》播出 [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/VYThJ> (дата обращения: 13.06.2021).
51. 新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障 [Электронный ресурс]. 2019.
URL: <https://clck.ru/VYTfk> (дата обращения: 13.06.2021).
52. 国际特赦组织：中国在新疆 “制造反乌托邦式地狱” [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://clck.ru/VYWUY> (дата обращения: 13.06.2021).
53. 新疆：中國如何鎮壓維吾爾族伊瑪目 [Электронный ресурс]. 2021.
URL: <https://clck.ru/VYWae> (дата обращения: 13.06.2021).
54. 新疆 [Электронный ресурс]. 2021. URL:
http://www.gov.cn/guoqing/2013-04/07/content_5046175.htm (дата обращения: 13.06.2021).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ВЯ
 Е.В. Чистова
«21 » июня 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ДИСКУРС ПРОБЛЕМАТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СУАР
И КИР (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-
ТЕКСТОВ В ПЕРИОД 2018-2021 ГГ.)**

Выпускник

Е.М. Харитонова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. КВЯ И.Г. Нагибина

Нормоконтролер

Е.В. Буркова

Красноярск 2021